

Цю Юэ не удержалась, подбежала к огромной дыре и закричала туда:

— Эй, ты там ещё не разбился насчёт насмерть?

Из провала не донеслось ответа Шо Чэня, прозвучало лишь её собственное нежно-сладкое эхо:

— Эй, ты там ещё не разбился насчёт насмерть?

— Значит, не умер.

— Значит, не умер.

Вдруг из пустынной долины донёсся звук рассекаемого клинка.

Этот звук был столь тонким и едва уловимым, словно слёзы возлюбленного, что легко касался самых струн души.

Вместе с переборами струн из пустоты обрушилась предельно свирепая, леденящая кровь жажда убийства, нацеленная прямо на зловещую Ци, что клубилась в Пещере Без Дна.

Аура клинка столкнулась с тёмной Ци: одна — твёрдая и несокрушимая, другая — мягкая и податливая, они взметнулись подобно бушующим волнам посреди океана.

Скрытое сияние вырвалось наружу, слившись в единое мягкое, но ослепительно чистое свечение, которое устремилось на Цю Юэ.

Застигнутая врасплох, Цю Юэ едва не рухнула на землю.

Мягкая рука протянулась вперёд и поддержала её.

Подняв взгляд, она увидела стоящего рядом с ней Бай Ю, который не отрывал глаз от происходящего в центре расстановки.

Лицо Цю Юэ озарила улыбка:

— Неужели мы задели то, что трогать не стоило, и разозлили этого огромного монстра?

— Ты называешь её огромным монстром? — в глазах Бай Ю мелькнул лукавый блеск. — Мне кажется, она — ловушка. Столько людей попало, а ей всё мало, теперь ещё хочет затащить сюда нас с тобой.

Красная Флейта в его руке внезапно изрыгнула красный луч, устремившись прямо в воронку среди бушующих волн. Этот свет связал воедино твёрдую и мягкую энергии, намертво зажав силу Вращающегося Клинка Ночного Демона.

Последовал резкий взмах.

Бум! Все три потока энергии разом разлетелись на куски.

На мгновение всё погрузилось в абсолютную тишину.

Среди этой тишины Цю Юэ испуганно взвизгнула:

— А Шо Чэнь не застрянет теперь в подземной дыре навсегда? Красивый братец, вытащи его оттуда побыстрее!

— У меня есть друг, он мастер первого ранга в этом мире. Он тоже угодил в ловушку и, судя по всему, провалился в эту пещеру. Если отыскать его, то удастся спасти и твоего друга, — Бай Ю оттолкнул Цю Юэ. — Сторожи здесь, а если появятся злодеи, побей их так, чтобы зубы посыпались!

Цю Юэ приложила руку к голове, глубоко задумавшись: ей всё это казалось крайне подозрительным.

В этот самый миг.

Над бесконечным небом промелькнула полоса белого света, в тени которого проступали кроваво-красные прожилки.

Этот свет словно пересёк тысячи ли и опустился прямо между бровей Бай Ю.

Сила Бай Ю в одно мгновение словно испарилась.

Это была чистейшая из чистых, первозданная безмятежность, лишённая даже пылинки мирской грязи.

Скрытый в пустоте бедный свет казался раскатами небесной кары, разящими слой за слоем, способными усмирить и богов, и демонов всех миров.

В одно мгновение Бай Ю исчез, унесённый этим светом.

Ветка в руке Фэн Сихэ не дрогнула ни на йоту.

— Бай Ю, разбойник, — произнесла эти слова, она указала пальцем в небо.

Туда, где раскинулась бескрайняя лазурная высь.

В тот самый миг, когда она протянула руку, небосвод словно с треском раскололся под натиском колоссальной силы, и бесчисленные белые листья в форме алебард, закручиваясь подобно молниям, заслонили собой небеса.

В мгновение ока они превратились в гигантского алого дракона с белой чешуей, что пролёл поперёк небосвода, источая пугающую, буйную красоту.

— Смешно, он и вправду думал, что ты сможешь потягаться со мной.

Свирепый ураган взвыл, когда Фэн Сихэ изогнула пальцы, обвивая ветку Листьями Птичьих Крыльев, и яростный дракон со страшным грохотом ринулся на Бай Ю.

Рассудок Бай Ю раскололся на бесчисленные осколки, и каждый из них был брошен в крошечный ад ледяного пламени, где подвергался невыносимым мукам.

— Значит, госпожа и вправду поймала бывшего лидера Списка Молодых Господ.

— Он передал мне одну фразу: хочешь схватить Бай Ю — сперва поймай Сы Циюаня.

— Раз так, вы, выходит, знакомы.

— Знакомство хуже незнакомства.

Техника переплетения пальцев Фэн Сихэ изменилась, и лента света потянулась вниз. Скользя вдоль Красной Флейты в руке Бай Ю, она превратилась в тончайший луч, влившийся прямо в тело юноши.

Бай Ю больше не мог сдерживаться: из его рта фонтаном хлынула кровь, и он выругался:

— Сы Циюань, ну и редкий же ты сукин сын! Прекрасно знал, что я не справлюсь, но всё равно позволил этим птицам себя поймать, чтобы заманить меня сюда! Если я подохну здесь, то непременно обращусь лютым призраком и буду донимать его дни напролёт, чтобы житья ему не было!

Он бросил сопротивление: раз уж заведомо не победить, к чему идти против обстоятельств?

Ветка замерла, дракон исчез.

На холодном лице Фэн Сихэ не дрогнул ни один мускул:

— Ты пришёл спасти его, но переоценил свои силы.

— Вы ошибаетесь, госпожа. Я здесь исключительно потому, что вы заранее всё подстроили, рассчитывая обменять моё мастерство на его безопасность.

Суровые горы и холодный ветер овеяли Фэн Сихэ, приподняв прядь волос и обнажив половину её несравненного лица, отчего Бай Ю на секунду замер.

Пожалуй, он явился сюда ещё и за тем, чтобы взглянуть на Первую Красавицу Поднебесной.

Увидеть здешнее величие и понять, какая именно красота зовётся первой.

За свою жизнь он повидал немало ослепительных женщин: дерзких, эксцентричных, обольстительных, чарующих, суровых — каждая из них способна потрясти душу. И всё же несравненная красота Фэн Сихэ была совершенно иной.

Холодная, отрешённая, величественная и подавляющая весь мир.

Стоит ей разгневаться — и небо, земля, ветер и гроза тотчас изменятся до неузнаваемости.

Лишь потому, что казалось, будто сама она ведает небесными карами и вершит судьбы миллионов людей.

Но ведь ей едва исполнилось семнадцать, почему же её величие способно всколыхнуть весь мир?

Взгляд Фэн Сихэ был холоден и прозрачен, как вода:

— Раз поняла мои намерения, даю тебе два пути. Первый — вернуть украденную вещь; второй — отправиться с ним в ад.

Красота её достигла предела, но и холод исходил от неё предельный.

Оставим пока вопрос о первой красавице, но титула первой холодной недотроги у неё никто не отнимет.

Бай Ю невольно вздохнул: такой холод затмевает даже её красоту, какая жалость.

Он сделал шаг вперёд, оказавшись лицом к лицу с Фэн Сихэ:

— Любой умный человек выберет первый вариант. Но я похитил бесчисленное множество сокровищ, и ещё никто и никогда не требовал вернуть их назад. Знаешь почему?

Фэн Сихэ произнесла:

— Потому что они не могут поймать тебя.

— И это тоже, но весь мир знает, что я ворую не для себя, и добыча по определению не находится у меня в руках, — глядя на Фэн Сихэ, проговорил Бай Ю. — Если хочешь вернуть вещь, тебе придется играть по моим правилам.

— Первый Вор Поднебесной берётся за дело нечасто, а если и берётся, то исключительно по настроению, — листья на кончиках пальцев Фэн Сихэ распустились, словно раздавленный сгусток крови. — Не пытайся диктовать мне свои правила.

— Не правила? Неужели поговорим о романтике? Вы, прекрасная госпожа, столь утончены: вино, стихи, музыка — это могло бы стать прекрасной легендой на века.

Бай Ю с абсолютно беззаботным видом смотрел на жажду убийства, искрившуюся на кончиках пальцев девушки. В его глазах эти изящные нефритовые пальцы, чистые и лёгкие, как падающий снег, созданы лишь для того, чтобы заключать их в объятия и нежно согревать, а вовсе не для столь кровожадных дел.

— Романтика?

Фэн Сихэ холодно усмехнулась.

Всё живое вокруг увяло и замерло, и Бай Ю поднял голову.

Яркое солнце над Горой Кун в мгновение ока померкло.

Бесчисленные мечевидные лучи взметнулись в небеса, закружились и слились в единое лунное колесо. Сотканная из сияния призрачная луна начала медленно увеличиваться, становясь необъятной, и всей своей тяжестью обрушилась на Бай Ю.

Освежающий холод постепенно сгущался, пропитывая от лунного колеса всю горную вершину целиком, и добирался до самых подошв Бай Ю.

Сколь же грандиозна эта природная красота, и сколь же леденящ пронизывающий холод!

Фэн Сихэ холодно бросила:

— Так устроит?

Лунное сияние меча было холоднее воды; любые звуки, свет, искры и тени застыли под натиском этой устрашающей стужи. Казалось, сделай Бай Ю хоть малейшее движение — и он тут же расколется на куски в этой смертоносной романтической буре.

Бай Ю не удержался от дрожи и зябко повёл плечами, однако выражение его лица ни капли не изменилось:

— Пусть я недостоин, но раз уж красавица делает столь щедрый подарок, то даже смертоносные ухаживания стоят этого прекрасного вечера.

Высокая особа — сущее божество, разве позволено какому-то ничтожеству распускать язык и проявлять неуважение?

Цань Сяо гневно нахмурился.

Аура клинка в одно мгновение полоснула Бай Ю по лицу, но тот лишь слегка качнул головой, и прядь иссиня-чёрных волос мягко упала вниз, словно пушинка ивы.

Бай Ю подцепил пальцем срезанную прядь и легко вздохнул:

— Ни ветра, ни луны, ни правил, а Цань Сяо, занимающий первое место в Списке Мастеров, Лун Лиюй, оказывается, хочет провернуть всё голыми руками.

Фэн Сихэ не стала корить Цань Сяо — возможно, таково и было её намерение. Слово — не воробей, пора бы уже знать меру.

— Тогда жизнь твоего друга станет залогом.

В этот самый момент из глубины долины донёлся плавный, неторопливый перебор цитры.

Мелодия звучала так, словно исходила из самого дна Пещеры Без Дна.

Не успел Бай Ю и глазом моргнуть, как морозный ночной ветер в центре лунного колеса меча взметнулся яростным шквалом, с оглушительным грохотом обрушившись вниз и в мгновение ока достигнув подземных глубин.

Буря была свирепой, а её мощь — устрашающей.

Мелодия цитры зазвучала сбивчиво, напроць смятенная этим свирепым ветром.

В центре лунного колеса из меча возникла чья-то фигура.

Одетый в безупречные фиолетовые одежды, не тронутые ни единой пылинкой, он под непрекращающимися ударами бури согнулся пополам, прижав руку к груди, в то время как с кончиков его пальцев, извлекавших звуки, сочилась ярко-алая кровь.

Лицо Бай Ю наконец переменялось:

— Он же твой старый знакомый, а ты преспокойно предаёшь его смертельным мукам.

Фэн Сихэ холодно посмотрела на Бай Ю:

— И что с того, что знакомый? И что с того, что близкий друг?

Бай Ю промолчал. Он исповедовал правило: сначала предать друга, а потом уже прикрывать его спиной.

Предать можно, но доводить дело до смерти — неблагородно. Впрочем, сейчас он и сам оказался предан Сы Циюанем, так что отвечать ему не хотелось.

Перед лицом великой справедливости императорские особы отправляются на смерть первыми.

Фэн Сихэ холодно усмехнулась:

— Вес Бай Ю перевешивает саму жизнь и смерть. Он не мог не знать об этом, однако потакал злу, и то, что он до сих пор жил, — уже милость небес. Если у него не хватает духу даже на смерть, то достоин ли он носить титул главы Башни Цзыюань и называть себя моим знакомым?

Жажда убийства, способная содрогнуть небеса и землю, сосредоточилась на кончиках её пальцев, где покоился Лист Птичьих Крыльев.

Сорванный лист пронзает пространство на тысячи ли в мгновение ока.

Стоило этому листу качнуться вперёд, как заточённый в подземной тюрьме Сы Циюань тут же испустил бы дух.

— Раз уж он человек императорского двора, то и моя собачья жизнь ни к чему, — Бай Ю внезапно сел, полуприслонившись к столу, позволив прохладному лунному свету девяти небес целиком укутать его тело.

Смерть Сы Циюаня его больше не волновала: раз уж здесь люди из императорского дворца, а он уличить себя в краже Бай Ю не может, оправданий не сыскать, и гибели точно не миновать.

Он-то рассчитывал переждать полумесячный срок, а затем тихо-мирно вернуть Бай Ю на место, но теперь этот фокус не пройдёт. Раз Сы Циюань уже сам навлёк на себя гибель, ему лучше подыскать себе местечко поудобнее и ждать конца.

Фэн Сихэ остановила движение, и бушующая по всему небу жажда убийства рассеялась, словно весенние воды. Глядя на Бай Ю, она произнесла:

— Ты кажешься уверенным в себе?

Бай Ю перевёл взгляд:

— В чём это я уверен?

Фэн Сихэ холодно ответила:

— Уверен, что я не стану тебя убивать.

Бай Ю усмехнулся:

— В делах закона и бандитов твоё желание убить меня — вопрос одного слова, а упорствовать в борьбе — лишь портить себе нервы.

Фэн Сихэ продолжила:

— Ты убеждён, что во всём мире, кроме тебя, никто не способен вернуть Бай Ю назад, и потому считаешь себя полезным, а меня — неспособной тебя прикончить.

— И да, и нет, — хитро улыбнулся Бай Ю. — Я, Первый Вор Поднебесной, всегда беру за вещи равноценную плату, выполняю работу за деньги, а товар сразу передаю нанимателю. Если хочешь вернуть пропажу, у тебя нет другого выхода, кроме как позволить мне обокрасть владельца во второй раз. Твоя операция с самого начала планировалась в строжайшем секрете, и ты ни за что не осмелишься потревожить двор и позволить третьим лицам узнать об этом. Иначе хаос охватит подданных, а страдать придётся императорскому дому, а вовсе не такому бродяге, как я, живущему одним днём.

— Сборище отребьев, а главарь — ничтожество. Твоя никчёмная жизнь мне ни к чему.

В глазах Фэн Сихэ мелькнуло презрение.

— Ты ошибаешься. В искусстве воровства твой седьмой наставник Чжо Лин наверняка превосходит меня. Семь вершин Горы Линшань, Святой Снег и чистая глушь... Если ты рассудителен, то вспомнишь о милости наставника и, возможно, сумеешь искупить вину.

Бай Ю смолчал. Чжо Лин некогда был обязан Поместью Цаньтянь и оставил Каменный Цветок в качестве залога, из-за чего ему поневоле пришлось проникать в императорскую сокровищницу.

Он прекрасно знал истинный вес пропавшего сокровища мира, а Чжо Лин из-за событий прошлого смертельно боялся методов императорского рода. Если это дело затронет Чжо Лин и они отыщут святыне снега Горы Линшань, то он, этот преданный ученик, действительно совершит преступление, за которое не искупить вину и смертью.

Эта женщина оказалась чересчур страшной: она выяснила все его тайны до мельчайших деталей.

Спустя долгое время Бай Ю уступил и выставил один палец:

— Срок — один месяц, пойдёт?

— Три дня.

Крылья наполнили небо, подняв бурю туч. Холод Фэн Сихэ был острым, способным впиться в самую душу.

Торговаться с разбойником — уже величайшее проявление её милосердия.

Пещера Без Дна оказалась поистине бездонной.

Шо Чэнь с криком летел ввысь, его тело несло вниз с бешеной скоростью, свирепый ветер и потоки воздуха сжимали его так, что он даже не мог крикнуть о помощи.

Отсутствие дна означало лишь то, что это огромная дыра, где можно скорее умереть с голоду, чем разбиться насчёт насмерть.

Он понятия не имел, куда падает.

А что если он случайно пересечет материк и рухнет в космическое пространство?

С чего вдруг в его голове зародились столь странные мысли?

Как бы то ни было, это явно ужаснейший опыт, и ему никак нельзя позволить себе падать и умирать с голоду на дне пропасти.

Сверкнув глазами, он принялся шарить взглядом по сторонам в поисках хоть какого-нибудь уступа в каменной стене.

Мрачные тучи, зловещий свист ветра, жуткие голоса призраков...

И звуки эти — жуть...

Круглые, белые, с провалами глазниц и полным ртом пожелтевших от старости зубов, они издавали хрустящие звуки и жуткое бормотание.

Шо Чэнь издал дикий вопль:

— Череп!

С чего ему так не везёт? Даже сорвавшись вниз, он не избавился от преследования этой жуткой твари.

Костяной Демон в очередной раз развернулся на сто восемьдесят градусов и, заметив Шо Чэня, осклабился жуткой улыбкой, излучающей тоску душ из десяти прошлых перерождений.

Стоило ему ухмыльнуться, как слюна полилась рекой, поднимаясь вверх, а вслед за ней высунулся язык.

Душа Шо Чэня едва не покинула тело, и он тут же лишился чувств.

При нынешней скорости падения быть в сознании или без сознания — особой разницы нет.

Костяной Демон, похоже, так и не понял, почему Шо Чэнь вырубился, но всё же высунул изрядно слюнявый язык и принялся слизывать лицо юноши.

Если лизнет трупная вода, не превратится ли он сам в мертвого упыря?

Он ведь даже девичьих губ ни разу не целовал, а закончить свою жизнь собирается в пасти какого-то скелета? Да пошёл ты!

Жуткое чувство омерзения мгновенно вернуло Шо Чэня к жизни, и он в отчаянии оттолкнул Костяного Демона ладонью, с содроганием выкрикнув:

— Какого чёрта ты тоже за мной увязался?!

Костяной Демон отлетел в сторону и издал глухое:

— Жу-у... жу-у...

Летит?

Только теперь Шо Чэнь разглядел, что по бокам от пустых глазниц черепа выросли крылья размером с веер. Хлопая ими, монстр не падал, а именно летел.

Тожe мне, человеческая голова: две глазницы да рот, почему у него есть крылья, а у него нет?

Черт, а Цю Юэ ещё говорила, что это мило. Мило, как же!

Настоящий чёрт и есть.

Шо Чэнь почувствовал себя оскорблённым:

— Ты что, не хочешь разделить со мной участь смертника?

Костяной Демон покачал головой:

— Жу! Жу!

Шо Чэнь:

— Ты испугался той красной флейты в руках того парня, и он приказал тебе не дать мне умереть?

Костяной Демон кивнул:

— Жу! Жу!

Шо Чэнь:

— Так ты отрастил крылья только для того, чтобы поднять меня наверх?

Костяной Демон:

— Жу! Жу!

Лицо Шо Чэня расплылось в широчайшей улыбке, он широко раскинул руки и крепко обнял Костяного Демона. В этот момент ему показалось, что Костяной Демон невероятно хорош собой — просто загляденье.

Поглядите на эту белую, круглую голову, гладкую и блестящую, — просто прелесть на ощупь. А эти две черные глазницы? Столько простора для души, сразу видно умнейшее создание!

А этот полный слизи рот с жёлтыми зубами...

Ладно, врать собственной совести дальше было выше его сил. Желудок Шо Чэня скрутило от подступившей тошноты, но он всё же зажал крылья демона подмышками, прижав того к груди в крепких объятиях.

Лучше не смотреть на это глазами, раз нет сил терпеть.

Костяной Демон издал жуткий вопль, и его крылья внезапно распахнулись ещё на три фута, стрелой устремившись в облака.

Тащить с собой человека оказалось для него сущим пустяком.

Костяной Демон летел долго, добрую четверть часа. Вокруг царила мёртвая тишина, крошечная тьма и жуткие пейзажи.

Ощувив под ногами твёрдую землю, Шо Чэнь отпустил Костяного Демона и при тусклом свете зелёного призрачного огня, горевшего внутри черепа монстра, с трудом разглядел окружающую обстановку.

Это... оказалась гигантская могила!

Повсюду клубилась зловещая ци и витали призраки!

Охваченный ужасом, знакомым ему по Поместью Цаньтянь, Шо Чэнь завопил и бросился наутёк:

— Я пока ещё из плоти и крови, в ваше старое логово мне рано. Землей не клянусь, прощайте навсегда!

Раздался хруст: споткнувшись о что-то под ногой, он со всего маху рухнул носом о землю прямо под божественный удар грома.

Не успел он сообразить, что раздавил скелетные останки чужого черепа, как с неба неожиданно обрушился свирепый поток ледящего ветра.

В подземной расселине мелькнул слабый лучик света, осветив пространство неподалёку: сквозь пронёсшуюся бурю проступил силуэт юноши в фиолетовых одеждах, который, прижавшись к цитре, отхаркивал кровь.

<http://bllate.org/book/21826/2260537>